

СКРИПТИЗАЦИЯ АВОСЬ-БЫТИЯ, или АПОЛОГИЯ ИНТИМНОГО ДНЕВНИКА

К.С. ПИГРОВ

*«...буду жить не так, как пьют стакан воды,
а как с напряженным вниманием дегустируют
сложнейший букет неповторимо богатого вина»¹.*

*«На вопрос, что дала ему философия,
он /Антисфен/ ответил:
Умение беседовать с самим собой».
Диоген Лаэртский².*

Концепт авось-бытия

Мы живем не в динамически детерминированной вселенной Демокрита, а в случайностной вселенной Эпикура. Именно наше присутствие в случайностной вселенной Эпикура и заставляет нас говорить о нашем бытии как об **авось-бытии**. Мы всегда обречены принимать решения по неполной информации.

На Вызов фундаментальной стохастичности жизнь вообще отвечает двумя типами базовых стратегий. Это, во-первых, противостояние случайности тотальной регулярностью (стратегия упорядочения), с помощью которой живое существо пытается наглухо защититься от стохастичности мира, как, например, черепаха своим панцирем, и, во-вторых, – сопротивление стохастичности мира с помощью генерации **своей собственной стохастичности** (стратегия риска).

С одной стороны, у человека налицо развитая аполлоническая культура традиции, – упорядоченного, профессионализованного, алгоритмизированного труда, – социального порядка (солидарности, легальности, легитимности), – систематического образования. С другой стороны, в человеке неотъемлемо присутствует дионисийское по своей природе стремление к новому, к творчеству, к риску, к смертельной подчас игре со стохастичностью, к авантюре.

Включение рефлексии

Философия, духовное измерение нашего существования, выработало, в конце концов духовную технологию — технологию рефлексии. Рефлексия есть атрибут и обязанность философствования. За две с половиной тысячи лет сформировались конкретные технологии *вербализации и скриптизации*, т.е. оглашения своего бытия и удвоения его в фиксированном слове.

Вербализация и скриптизация жизни не требуют какой-то особо дорогой техники, персональных компьютеров и т.п. Достаточно простейших и очень дешевых пера и бумаги.

Вербализация и скриптизация жизни доступны не только гениям и особо образованным людям. Они общедоступны и повседневны. «Проговаривать» свою жизнь и записывать ее события может каждый человек средних способностей, более того, — каждый дурак.

Конкретно скриптизация выражается в введении интимного дневника. Таким образом бытийствует стихия массового философствования, одно из главных условий возможности собственно человеческого существования.

Главный общий вывод моих исследований об интимном дневнике, коротко говоря, выражается в том, что *дневник является эффективной технологией себя, в определенных социальных условиях ушедшей на второй план. Каждый человек как духовное существо обязан в той или иной форме вести дневник; это является условием действительного развития.*

Дневник, как представляется на первый взгляд, это аполлоническая стратегия противостояния дионисийности авось-бытия. Но это не так просто. Оказывается, что технологии философской рефлексии включают не только аполлонические стихии упорядочения, но и дионисийные стихии «встречного риска».

Чтобы это понять, нужно выявить, что же такое интимный дневник.

Феномен интимного дневника

Дневник — это текст не «вертикальный» и не «горизонтальный», он «точечный». Дневник сам по себе не есть обращение к Богу, царю, секретарю парторганизации, — или

к своему ребенку, ученику, подчиненному. Это текст даже не фиксация беседы с избранным Другим (с которым соединяет меня любовь или дружба), это текст к самому себе, что парадоксально и требует философского удивления. В нем есть момент проповеди, но это проповедь самому себе, в нем есть момент исповеди, но это исповедь перед самим собой. Наконец, это беседа с самим собой.

Но в этой «точке» беседы самого с собой заключена *актуальная бесконечность микрокосма*, это некоторый итог и, в известном смысле, предел бытийствования текста (и человека) вообще.

Общение с трансцендентным опосредствуется и доходит «до точки» дневника (в «инсайте» дневникового текста происходит чудо понимания: вдруг я *понимаю*, что со мной в жизни происходит), чтобы потом на основе кристаллизованного в нем акта рефлексии развернуться по кругам социализации (исповедь, проповедь и т.д.), завершившись в формировании развитой коммуникации между имманентным и трансцендентным.

Дневник есть изготовленное самим индивидом «зеркало души», отправляющее ее в сторону духа. Здесь *случается самосознание, здесь возникает микрокосм*.

Дневник — это технология генезиса микрокосма

Дневник — это текст, стянутый в точку актуальной бесконечности в плане соотношения целей и средств. Никакой другой текст не существует самоцельно. Что касается дневника как такового, то **он в себе самом имеет смысл**; это вещь, которая делается для самой себя. Человек сначала выплескивает в чистую тетрадь «дневниковые слова», а потом думает, зачем он это сделал.

Интимный дневник как духовная авантюра

Интимный дневник это не только аполлоническая технология упорядочения. Это всегда риск. Взявшийся за дневник человек противостоит обществу. Он рискует, он раскрывается, общество может нанести ему удар в самую болезненную точку его бытия. Как и случилось с Тульчинским³. Он рискнул, и сейчас (будем надеяться, только в первом раун-

де) часть философского сообщества обозначила по отношению к нему фигуру остракизма.

Дневниковое письмо это вообще существенный момент в генезисе нарратива. Нарратив вообще, как известно, содержит лично более значимую информацию, чем другие типы дискурса и обладает большими возможностями для выражения эмоционального состояния⁴. Оказавшись отсоединенным, дистанцированным от социума, от вертикальных и горизонтальных диалогов, я в дневниковом нарративе устремляюсь вглубь, **обрегаю фундаментальную сознательную решимость, обращенную к сути бытия.**

Дневниковый текст возникает «не от хорошей жизни». Он есть реакция на обособление, на разрыв (всегда болезненный!) социальных связей: слышимая мною проповедь мне отвратительна своим лицемерием, молиться и каяться я «не могу», — нет друга и любимой, с которыми можно было бы «просто поболтать». (Или они есть, но «не поймут».) Вот тогда я открываю чистую тетрадь и начинаю дневник.

Дневник создан «центростремительными» силами, стягивающими общение в точку моего «Я». *Плоскости* социальных коммуникаций противопоставляется предельно концентрированная *точка* дневника. Подобно этому в результате сверхжата космической материи возникает новая звезда. Но внутри дневника постоянно присутствуют и «центробежные» силы. Мое «Я», обнаружив себя в этой точке, все время тяготеет к выходу из нее, — тяготеет к общению⁵.

В итоге получается некоторый вибрирующий, то расширяющийся, то сужающийся «меловой круг», ограниченная область, в которой возникшая субъективность стремится оградить себя от опасных стихий социума, черпая в то же время из них энергию. Внутри этого «мелового круга» непременно присутствуют язык и, следовательно, — идеология, но они ослаблены субъективной рефлексией и не могут уже быть столь агрессивными. Душа парадоксальным образом находит себя в инобытии своих, вообще говоря, враждебных ее самости, репрессивных стихий, таких, как язык и идеология.

Другого пути, кроме выхода из себя, у души, впрочем, и нет.

«Душа жаждет себя, но она жаждет обрести себя в чем-то ином, а не в себе, в своем индивидуальном проявлении, она поэтому перед Богом отказывается от себя, чтобы найти в нем самое себя и насладиться этим»⁶.

Но когда Gott ist tot, когда мы принуждены жить в условиях конца социальности⁷, **остается только дневник.**

«Самообщение» возможно только в том случае, если я не тождествен с самим собой во времени, в подсознании. Необходимо «открыть» самого себя, растождествиться с собой — это условие восхождения к Абсолюту. Другой-изменя возникает ближайшим образом как даймон Сократа, который говорит в моем дневнике, императивно обращаясь ко мне во втором лице. (Скажем, «не позволяй душе лениться...»)⁸.

Забывание (забытое бытие) есть необходимость в растождествлении себя с самим собой. И только после этого возможно общение с самим собой. В частности, Я-эмоциональное не тождественно моему Я-рациональному. Дневниковое письмо, схватывая эмоциональное начало в логике текста, вставляя эмоцию в рамку рации, предстает как логический катарсис, как рациональное очищение своих страстей.

Дневник — это тип приватного текста, где приватность доведена до такого предела, в котором сама идея приватности теряет смысл. Дневник, соединяя подлинность молчащего бытия с духовной активностью, поэтому всегда в той или иной мере тайнопись, даже если автор и не ставит перед собой задачи сокрытия. Впрочем, чаще всего, автор дневника инстинктивно озабочен сохранением тайны. Формой существования дневникового текста может быть или иностранный язык, или — самим собой изобретенный шифр, как у Леонардо, или намеки и иносказания, понятные только самому автору. Точка дневника оказывается исчезающей под покровом тайны.

Дневник легче написать, чем понять, *что* ты, собственно, в нем написал. Трагическим результатом этого является гора исписанной бумаги, которую не способен прочесть ни сам автор, ни — после его смерти, — ближние и дальние. Между тем, дневник рассчитан на многократное перечиты-

вание самим собой. Иначе — все трагическим образом выгружается в макулатуру, хотя в принципе из *каждого* дневника может быть извлечен драгоценный, оригинальный, обогащающий общечеловеческую духовность смысл.

Общество не любит дневники и тех, кто его ведет. Отсюда эта сквозная метафора мастурбации.

Интимный дневник существует в ауре стыда. Отношение сообщества к нему всегда насторожено. Особенно враждебно отношение к дневнику в тоталитарном обществе. Вспомним, например, описание дневника у Дж. Оруэлла в «1984», характерна также дневниковая форма повествования в «Мы» Замятина. В «1984» акцентируется даже магическая роль самой чистой тетради как *потенциального* дневника.

Некоторые талантливые публицисты в советское время пытались реконструировать на основе громадного корпуса интеллектуальной продукции В.И. Ленина его *автобиографию*, но по существу тщетно. Ленин, по-видимому, относился к тем людям, для которых дневниковое письмо было совершенно не свойственно. И сам тип общества, который создавал «вождь мирового пролетариата», не располагал к субъективности дневникового дискурса. Дневник в этом мире может представлять только как донос на самого себя⁹. Неважно, сам ли Ленин не вел дневников, или «компетентные органы», создавая образ харизматического лидера, уничтожили его дневниковые записи. Ленин, который днем и ночью должен думать о рабочем классе и о народе, просто не может заниматься дневниковым «самокопанием».

Но есть и другие образцы: перечисляя собственные личные вещи Махатмы Ганди указывали только набедренную повязку, сандалии, плевательницу и ... дневник. Само это перечисление, где отсутствуют книги, — перечисление, ставящее дневник рядом с плевательницей, также может вызвать смех и открывает новые возможности амбивалентного отношения к дневнику. Ясно, однако, что духовный лидер, создающий образцы текстов и образец жизни¹⁰, фундаментально отличается от тоталитарного лидера.

Окутанный аурой *стыда*, дневник в качестве предельно приватного текста ценностно напряжен, — отношение к

нему двойственно. Он, с одной стороны, рационализуется как необходимая данность нашего быта, как определенный психотерапевтический прием, условие психологического здоровья, но, с другой стороны, в отношении к дневнику есть всегда некоторый оттенок пренебрежения. Мол, есть люди, которые не способны к устному счету и вычисляют «на бумажке» (если нет калькулятора). Вот и дневник, не выражает ли он «слабость мысли», неспособность решить свои проблемы «в уме»? Потому у людей со слабой логикой и слабой памятью и возникает потребность записывать всякие мелочи своей жизни.

Дневник, осмысленный таким образом, вызывает *смех*, или, по крайней мере, пренебрежительную, жалеющую, снисходительную *улыбку* того, кто вольно или невольно ставит себя в позицию «верхов». Акцентируется действительно присутствующий в дневнике момент нарциссизма и аутизма¹¹. Мол, дневник это дело для гимназисток, только что овладевших элементами письма, — для неопытных девушек, которые не обладают еще достаточной культурой чувств, не могут справиться с потоком гормонов, внезапно хлынувших в кровь, — для тех, кто бросается к дневнику, чтобы как-то эмоционально выжить, не впадая в постыдную, видимую другими истерику. Словом, дневник терпим как некоторое дидактическое упражнение, относящееся к «юности мятежной», но это не занятие для зрелых, ответственных за семью и нравственность детей женщин и, тем более, для серьезных, активных, деловых мужчин. В связи с дневником, как и со связанным с ним феноменом одиночества, всплывают метафоры мастурбации¹². «Горе несчастному, который наслаждается жизнью, копаясь в глубинах своего существа»¹³, — вместо того, чтобы заниматься государственными, общественными делами.

Однако скриптизация жизни, пусть в самых мелких ее проявлениях, открывает путь к «божественному глаголу», к всеобщим формам логики и к ресурсам долговременной памяти, внятной не только одному поколению. В пространстве тишины и молчания, создаваемого с помощью дневникового текста, и рождается *свобода*, так же, как сама возможность единства мировой истории и индивидуальной

судьбы. Автор дневника сам создает себе Другого. Культура любви к себе создает возможность высокой, осмысленной и развитой любви к Другому. Автор дневника раздваивает себя как себя и Другого. Но этот Другой-из-Себя только и может впитать прочитанное, только он может впитать реальных Других, в то время как чистое нераздвоенное «Я» за пределами животных влечений обречено на тотальную глухоту.

Заключение

Культура дневника приобретает особое значение для нашего Отечества, переживающего мучительный кризис. Дело ведь не в нашей «бедности», не в нашей «лени», не в том, что нам «не везет с начальством». Дело в том, что *наш народ не умеет быть свободным*. Свободу нельзя «даровать» свыше. Свободу нельзя «завоевать» снизу. Такой дар не может быть принят, а всякое завоевание чревато новым рабством как завоеванного, так и завоевателя. Поскольку свобода может быть, в сущности, только тайной (в смысле своей сверхприватности, — своей фундаментальной субъективности), постольку *дневник — техника «тайной свободы»*. Свободу можно только сотворить в тайном рефлексивном творчестве своей души. Короче говоря, дневник — исходная индивидуальная техника свободы, — генератор свободы; ведение дневника сам генезис свободы, — универсальный способ подготовки к свободе¹⁴. Он таким образом позволяет прорваться к подлинному бытию. В «ведении дневника», в «процессе/эксцессе дневника» происходит самосознание как деятельность, — происходит *самосознание письмом*.

Примечания

¹ Луначарский А.В. Предисловие // Пруст М. В поисках за утраченным временем. Б.м. 1934. С.7 — 8.

² Лаэртский Диоген. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. 6,6. / Пер. М.Л. Гаспарова. М., 1979. С.236.

³ Тульчинский Г.Л. Истории по жизни. Опыт персонологической систематизации. СПб., 2007.

⁴ См., напр.: Калмыкова Е.С., Мергенталер Э. Нарратив в психотерапии: рассказы пациентов о личной истории (часть 1) // Психологический журнал. Т. 19, № 5. 1998. С. 97 — 103.

- ⁵ «...Мы в небе скоро устаем, —
И не дано ничтожной пыли
Дышать божественным огнем» (Ф. Тютчев)/
- ⁶ Гегель. Т. 14. М., 1958. С. 31.
- ⁷ Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального / Пер. Н.В. Сусллова. Екатеринбург, 2000.
- ⁸ См.: Пигров К.С. Шепот демона // Мост. Май, 2003 (№55). С. 18 – 21.
- ⁹ Гуманизация (или – разложение) советского общества началась, в частности, с того, что дневники перестали быть материалом возможного обвинения для КГБ.
- ¹⁰ Ганди М.К. Моя жизнь / Пер. с англ. А.М. Вязьминовой и др. Отв. ред. проф. Р.А. Ульяновский. М., 1969.
- ¹¹ Погруженные в свой дневник люди часто не чувствуют «поветрий времени», как, например, М.К. Башкирцева (см.: Басманов Александр. Тлеющий разряд. Памяти Марии Башкирцевой // Башкирцева М.К. Дневник...М., 1991. С. 5 – 18. – Но, может быть, такое самопогружение открывает им более глубокие и тонкие субстанции бытия? – Что с того, что Башкирцева не откликнулась на веяния модного в 70 – 80-х гг. XIX в. модерна?! Непреходяща свежесть очарования этой талантливой девичьей души).
- ¹² См.: Павлова М. «Одиночество» и «Об одиночестве» Ф.К. Тетерникова: ранняя поэма и психофизиологический очерк Федора Сологуба // Новое литературное обозрение. № 55 (3/2002). – Здесь публикуется и анализируется незавершенная поэма Ф. Сологуба «Одиночество (история мальчика-онаниста)».
- ¹³ Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977. С. 223.
- ¹⁴ *«Не готов я к свободе
По своей ли вине?
Ведь свободы в заводе
Не бывало во мне».*

Владимир Корнилов.